

Переводы

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ*

(перевод с английского Алексея Лисогора)

Воспоминания, сновидения, размышления

Автобиография как описание событий внутренней жизни

Но все же главная его встреча с миллионами и миллионами людей была еще впереди. К.Г. Юнг сдался уговорам и нехотя приступил к «автобиографии», по поводу которой высказался как-то в 1948 году, что «да не собираюсь я вовсе писать эту штуковину!» Строго говоря, это не было автобиографией в привычном нам смысле слова. Сам он называл ее не иначе как «проект Аниеллы Джеффи», в котором скромное его участие ограничивалось лишь собственноручно написанными главами про детство, путешествиях и концовкой. Данное им заглавие – «воспоминания, сновидения, размышления» – очень точно отражало содержание книги: события его внутренней жизни во сто крат превалировали над привычным жизнеописанием, да еще прошитые красной нитью, по выражению Аниеллы Джеффи, «Религиозного завещания Юнга».

«Религиозное завещание Юнга»

«Часто я просила его припомнить тот или иной конкретный биографический факт – бесполезно! Его

* Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.

Окончание. Начало: Развитие личности. 2007. №2. С. 233 – 247; №3. С. 239 – 247; №4. С. 219 – 237; 2008. №1. С. 232 – 242; №2. С. 210 – 233; №3. С. 211 – 240. №4. С. 198 – 223. 2009. №1. С. 185 – 205; №2. С. 219 – 226.

память цепко фиксировала лишь духовную составляющую жизненного опыта, напроочь отменяя привязку ко внешней жизни, и он считал, что этого вполне достаточно» [1].

А вот как сам К.Г. Юнг объясняет свою чрезвычайно высокую чувствительность по поводу возможного неприятия читателями его «автобиографии»: «Всю свою долгую жизнь я отбирал этот материал как зеницу ока, даже мысли никогда не допускал поделиться им с миром; ведь если меня не поняли бы, меня задело бы это в тысячу раз сильнее самых суровых и беспощадных нападал, в пух и прах раскритиковывающих другую из остальных моих книг <...> В этой «автобиографии» заключена вся моя жизнь представленная в свете обретенных мною в ходе различных поисков знания <...> В некотором смысле она стала квинтэссенцией всех моих опубликованных трудов, так и только так следует ее помнить. Да, моя жизнь неотделима от моей писанины. Все мои идеи, все мои чаяния и устремления – Я сам. И эта, с позволения сказать, «автобиография» – не более чем точка, окончательно поставленная над «Г» [2].

Работа над биографией как прохождение «чистилища»

В этот период это посещает художница Мэри Крайль: «В ту последнюю нашу с ним встречу <...> я нашла его сильно постаревшим, однако, как и в былые времена, его пронизательные глаза по-прежнему излучали мягкий свет доброжелательности. Когда он сказал мне: «А ну-ка, подвиньте свое кресло ближе ко мне, а то я, старый маразматик, уже тугим на ухо становлюсь», – то я не могла не улыбнуться и не напомнить ему, что этой самой фразой он встретил меня одиннадцать лет назад. На что он, довольно крякнув, ответил: «Ну, с тех пор-то улучшений нет никаких». <...>

Спросила его, над чем он сейчас работает. Ответил: «Над биографией <...> Как сквозь чистилище прохожу. Фрау Джеффи пишет, потом дает мне на – никто ведь не знает жизнь человека лучше, чем он сам. Да еще в угоду объективности сам написал о первых своих двадцати годах. – Он остановился, задумался, потом добавил: – А в чем смысл жизни, я ведь так и не знаю. – Услышав это его признание, я поразился до глубины души чего говорить про нас, если даже великому Юнгу, лучше любого живущего на земле человека познавшего жизнь и прожившего ее полноценно, не поддавалась загадке эта великая тайна» [3].

Человек

Человек с большой буквы

Для писателя Эриха Нойманна К.Г. Юнг был человеком с большой буквы: «Многих людей довелось мне повидать на своем веку, однако лишь один из них оказался по-настоящему великим человеком – это был Карл Юнг, ставший мне впоследствии наставником и другом. Более тридцати лет без устали снабжал меня материалом для книг – материалом о любви и ненависти, непосредственно взятыми из жизни и преломленными сквозь призму трансцендентной человеческой природы. Встреча с этим человеком, больше любого из нас и в котором, тем не менее, укоренилась сама человечность, стала для меня во многом определяющей» [4].

В последние годы своей жизни, когда зарево политических конфликтов то и дело вспыхивало в самых разных уголках мира – ввод советских войск в Венгрию, поход Китая на Тибет, восстание против англичан в Суэце – К.Г. Юнг в своих письмах высказывает глубокую озабоченность о Земле, о ее будущем и о роли человека в нашем хрупком мире:

«Сегодня мир висит на тонюсенькой ниточке и ниточка эта – человеческая душа. <...> Не саму водородную бомбу надо бояться, а то, как ею воспользуется человек» [5].

«Пересмотр отдельным человеком своих позиций – основа для возрождения духа всей нации» [6].

«В конце концов, вся история мира, все его будущее – как полноводная река, питающаяся водами неисчислимых родников, что бьют в глубинах каждого из нас. В своих частных и субъективных жизнях мы не просто пассивные наблюдатели, свидетели стремительного века и его страдальцы, но еще и его творцы. Мы сами созидаем свою эпоху» [7].

«Мы живем как раз в такое время, которое древние греки считали самым подходящим моментом для «метаморфозы богов», то есть для изменений фундаментальных принципов и символов. Такова характерная особенность нашего времени, и это, конечно же, не наш сознательный выбор, а экспрессия того меняющегося человека, что обитает в нашем подсознании. <...>

Как и на заре христианской веры, сегодня перед нами вновь остро стоит проблема отсталости всеобщей морали, не успевающей идти в ногу с научно-техническим и социальным прогрессом. <...>

Восторгаться от счастья, блаженствовать на пике довлывания, достичь уравновешенности и полно-

Озабоченность о роли человека в хрупком мире

Время «метаморфозы богов»

ценно жить – все это может испытать только лишь личность, человек, а вовсе не государство, которое, с одной-то стороны, является не чем иным как добровольным соглашением независимых индивидуумов, а с другой – источником постоянных угроз для свободы их личности. <...> Да, не спорно: социально-политические обстоятельства текущего времени чрезвычайно важны, однако же применительно к своему горю или радости человек настолько переоценивает их, что поневоле начинает считать их единственными факторами, определяющие его или несчастья. Вот поэму-то все наши социальные цели несут в себе одну и ту же ошибку: они не только не учитывают психологию той личности, для которой, собственно говоря, предназначены, но еще – что случается сплошь и рядом – развивают только его иллюзии» [8].

«Ныне все зависит от самого человека»

«Ныне все зависит от самого человека; в его руках – невероятные возможности по разрушению всего и вся, вопрос лишь в том, сможет ли он противостоять искушению воспользоваться этой мощью, сможет ли закалить свою волю духом любви и мудрости. Вряд ли он, думается мне, способен на это за счет одних лишь собственных жалких силенок. Без помощи небесного «заступника» здесь ему никак не обойтись» [9].

«Как социальное существо человек никоим образом не может существовать вне общества, поэтому никак больше не оправдать ему свое бытие и свою духовно-нравственную автономию кроме как принципами «потустороннего закона», соотносящего подавляющее влияние внешних факторов. Если человек не уповает во всем на Господа, а во всем рассчитывает только на свои силы, то он бессилён противостоять материальным соблазнам и лъстивой морали мира. Защититься же неизбежного засасывания этой губительной трясиной он может путем развития в себе трансцендентного опыта» [10].

Изменения во взаимоотношении человека с Богом

«Прикоснувшись к божественному, ведя духовную жизнь, мы просто обязаны принять на себя новую ответственность <...> вероятно, во взаимоотношения человека с Богом следует внести важное изменение: вместо умиловительного восхваления своевольно монарха, вместо непосредственной, сердечно-наивной молитвы ребенка к любящему отцу нашей формой поклонения Богу (соответственно и средством общения с Ним) должна стать пребывающая в нас Его животворящая любовь, что добродетельно несет нам свет и милость, другой же стороной нас искушая влас-

тью. Сегодня человек обладает таким знанием, что ему ни что не стоит уничтожить родную планету. Так давайте же не терять надежду, что он и дальше будет руководствоваться в своих поступках страхом Божьим, поскольку именно от решения человека зависит дальнейшая жизнь венца творения Создателя. Просто поразительно, сколько много божественной помощи может получить человек в свои руки» [11].

Юнг и Бог

«Мне нет нужды верить... Я знаю»

Когда в 1959 году Джон Фримен, корреспондент радио BBC, во время интервью спросил К.Г. Юнга, верует ли он в Бога, то услышал: «Мне нет нужды верить <...> Я знаю». Тем самым К.Г. Юнг вновь поставил себя в двусмысленное и ему пришлось объясняться: «У мистера Фримена довольно оригинальная манера брать интервью: не давая опомниться, он буквально засыпает вас неожиданными вопросами. В какой-то степени это сбивает с толку, поэтому, когда вдруг ни с того ни с сего, прозвучал этот упомянутый Вами вопрос, то я, ступивший еще больше, брякнул первое, что пришло в голову, и только потом, когда ответ сорвался таки с моих губ, понял, что ляпнул что-то не то, что-то сомнительно-двусмысленное. И с тех пор ожидал лавину писем, подобных вашему» [12].

«Когда я ответил, что мне нет нужды верить в Бога, поскольку я «знаю», тем самым я хотел сказать, что знаю существование образов Божьих как в общем, так и в частности. Я знаю, что это – дело универсального опыта, присущего каждому человеку, я тоже не исключение из этого правила, что я – специально подчеркиваю – знаю, что обладало этим опытом, называемым мною Богом. Это – опыт моей воли против другой, сильнейшей воли, которая, вставая на моем пути, весьма часто приводит к катастрофе, которая порождает в моей голове странные идеи, манипулирует моей судьбой, ведя меня по темным и опасным закоулкам, или нежданно-негаданно оборачивая все к лучшему, так что даже Я, обладатель семи пядей во лбу, ничем не могу противостоять ей. Эта могущественная воля, с удивительной силой поддерживающая или противостоящая всем моим сознательным устремлениям, хорошо известна мне. Итак, Я говорю: “Я знаю Его”. Вас интересует, почему вы тоже должны называть это “Богом”? Отвечаю: а почему нет? И испокон века это всегда называлось “Богом”» [13].

«Все мои мысли о Боге вращаются вокруг Него словно планеты вокруг солнца»

Именно об «образе Божьем» говорил всегда К.Г. Юнг в своих работах, не забывая подчеркивать его универсальные проявления. В письмах же и в личных беседах он был более откровенным: «В один прекрасный момент Я вдруг обнаружил, что все мои мысли о Боге вращаются вокруг Него словно планеты вокруг солнца, целенаправленно притянуты Им самим с подавлением любого моего сопротивления. Да и Я сам чувствовал, что совершу величайший грех, если хоть капельку стану сопротивляться этой силе» [14].

«Что такое Божественное присутствие? Человеческий язык не в силе объяснить этого. Но есть много способов вновь раскрыть в себе *genus divinum*. Это единственная вещь, имеющая значение. <...> Я хотел получить доказательство присутствия Животворящего Духа, я получил его. Только не спрашивайте, какой ценой досталось мне оно. <...> Не хочу указывать этот путь другим людям, что мой путь – я знаю это – был предначертан для меня рукою свыше. Да, понимаю, все это звучит чертовски пафосно, что ж, простите за возвышенный тон, я не хотел его. Просто это действительно важно, я же пытаюсь быть скромным инструментом в этой руке» [15].

Исследование религиозного процесса индивидуации

Элизабет Хоувс отмечает, что «начиная с нашей с ним первой встречи <...> вплоть до последней, когда он попросил меня: “Давайте поговорим о религиозных аспектах моей работы, ведь именно они являются самыми важными”, – все это время я помогала ему в исследованиях религиозного процесса индивидуации. <...>

Научная ценность трудов Юнга бесспорна, но когда в наших с ним частных разговорах речь заходила о Боге, я понимала, что он говорит о нечто большем, чем просто об архетипе Бога. Однажды он сам невольно подчеркнул это в конце одной из таких бесед. Вдохновенно говоря о пользе и необходимости молитвы, он, покрасневший от внутреннего возмущения, воскликнул под конец: “Почему я вынужден говорить о Боге? Да потому что Он вездесущ! А я – я только ложка на Его кухне”» [16].

В одном из писем к Лоренсу вандер Посту К.Г. Юнг утверждал: «Простите великодушно, но, к сожалению, не в моих силах дать Вам точного определения, что же такое на самом деле Бог. Могу только сказать, что в своей работе я эмпирически доказал наличие в каждом человеке божественной структуры, обладающей безграничной энергией, необходимой для его преобразования.

Именно от сознательных взаимоотношений человека с этой структурой в своем коллективном подсознании зависит не только смысл его жизни, но и его возрождение» [17].

Подлинно ли
слияние
К. Юнга с Богом?

Но было ли это подлинное слияние К.Г. Юнга с Богом? «Unio mystica» с «потенциальным миром», этой третьей стадией соединения, как описывали ее в рукописях, но так и не познавшие на себе средневековые алхимики? «Синтезом сознания с подсознанием?» или свободой от противоположностей?

Письма, написанные К.Г. Юнгом в последние годы жизни, ясно показывают, что склоненные в земном поклоне, он по-прежнему удерживает свой лоб в миллиметре от пола: «Восточная философия прекрасно заполняет нашу психическую пустоту, но оставляет без ответа проблему, поставленную христианством. Поскольку бы разделить чаяния моих европейских собратьев, иначе я вновь потеряю свои корни, что допустить никак не могу: уж мне-то доподлинно известно, какой дорогой ценой обходится восстановление утраченной целостности» [18].

«Нет, никак не могу разделить вашу точку зрения <...> даже несмотря на то, что она близко перекликается с идеалом йогой – нирваной. Мне не понаслышке знакомы краткие миги такого освобождения во время медитаций, но остерегаюсь их, поскольку знаю, что сброшенное мною в такие моменты бремя человеческого естества потом вновь обязательно обрушится на меня, но уже с удвоенной силой» [19].

«Достиг своего
потолка...»

«В своих стремлениях найти истину и пречистый свет я достиг своего потолка, планку которого отныне мне не перепрыгнуть, поэтому сейчас, как зеницу ока оберегаю обретенные сокровища и свет, чтоб никто не смел покуситься на них, а ежели мне суждено потерять или самому разбазарить их, то почувствую себя так прескверно, что, наверно, скропостожно умру. Но, прежде всего плод мой ценен не мне, а творцу, которому человек необходим для просвещения своего творчества» [20].

Мигель Серрано, чилийский дипломат и писатель, близко знавший К. Юнга, замечает: «Не совсем уверен, но мне казалось, что Юнг до конца своих дней был в поиске. Идя дорогой мага-чародея, эдакого волхва, который, в отличие от святого, вовсе не жаждет слиться с Богом, не спешит примириться с Ним, он шел-пошагивал себе по ленте бесконечного хайвея, при-

нима все подстерегающие за поворотами несчастья» [21].

Продолжая искать в
космосе ответы

Но даже на склоне лет К.Г. Юнг продолжал искать в космосе ответы для маленького мальчика, что до сих пор, сидя внутри него на камне удивляется: «Я – тот, кто сидит на камне, или же Я – камень, на котором он сидит?»

«В октябре 1958 года мне приснился странный сон. В окнах дома что-то сверкнуло, затем в небе вспыхнула две яркие вспышки – и тут же сквозь невесть откуда взявшуюся арку, узкой дугой раскинувшейся в вышине над крышей дома, с характерным присвистом пронеслись два линзообразных диска, тускло отсвечивая металлическим блеском. Летящие тарелки, однозначно! Не успели они скрыться где-то в районе озера, как вслед за ними тотчас появился еще один диск идеально правильной формы, напомиавший очертаниями объектив гигантского телескопа. Медленно-медленно рассекая воздух, он двигался прямо на меня, пока вдруг не замер на мгновение в четырех-пяти сотнях ярдов передо мной, затем, резко ускорившись, скрылся вслед за первыми двумя. Его сменил следующий, но какой-то странной формы, даже не диск, а целая труба, соединявшаяся с прямоугольной коробкой – ни дать ни взять волшебный фонарь! Как и предыдущий, этот тоже остановился, но уже гораздо ближе ко мне, в каких-нибудь 60–70 ярдах, развернув при этом свою линзу прямо на меня. Тут я проснулся, чувствуя сильное изменение и, еще не отойдя как следует от сна, уловил мысль, молнией мелькнувшей в голове: люди думают, что НЛО являются нашими отражениями. Но, как вот только что выяснилось, оказалось совсем наоборот: это мы являемся их ними проекциями, то есть я спровоцирован этим волшебным фонарем как Карл Густов Юнг. Тогда кто управляет этими аппаратами?

Помню еще один подобный сон, приснившийся мне в то время, когда я бился над проблемой Self и Эго. Я шел по тропке, петлявшей меж холмов живописного ландшафта, высоко в небе сияло солнце, а вокруг, насколько хватало глаз, простирались природные красоты. За очередным поворотом показалась крошечная придорожная часовня. Дверь была приоткрыта и я без труда проскользнул внутрь. К моему удивлению, престоле не было распятия, как нигде не было и ни одного образа Девы Марии, а общественным внутренним убранством служили гирлянды чудесных по красоте цветов. Тут я заметил на полу йога – он сидел прямо перед алтарем в позе лотоса,

погруженный в глубочайшую медитацию. Приглядевшись к нему, я вздрогнул у него было мое лицо. Тут я проснулся в холодном поту с мыслью: “Ага, так значит он и есть тот, кто медитирует меня. Значит его видения – это и есть я”. И понял, что как только он выйдет из транса, меня больше не будет. <...>

Эффект реверса взаимоотношений между Эго-сознанием и подсознанием

Как я понимаю, целью этих двух видений было, во-первых, произвести эффект реверса взаимоотношений между Эго-сознанием и подсознанием, а во-вторых, показать, что наше подсознание является генератором эмпирической личности. Что если взглянуть “оттуда” на наше подсознательное бытие, оно окажется самым что ни на есть реальным, в то время как весь сознательный мир – всего лишь иллюзорный, специально сконструированной реальностью для строго определенных целей вроде сна, видений и пр., которая до тех пор будет казаться настоящей, пока будем пребывать в ней. Ясно, что подобное состояние дел очень близко восточной концепции мира» [22].

Последняя работа

«Человек и его символы»

«Человек и его символы» (оригинальное название «Man and His Symbols»), последний труд К.Г. Юнга, появился на свет в духе остальных его работ. Вскоре после прогремевшего на весь мир интервью с Джоном Фрименом К.Г. Юнг получает от своего издателя заманчивое предложение написать книжку, понятную простым обывателям, в которой доступным языком излагались бы его «наиболее важные основополагающие идеи» 83-летний К.Г. Юнг ответил категорическим отказом: мол, не пристало ему опускаться до популяризации своих работ, да и вообще он уже «старый и уставший».

Но вскоре ему приснился сон, о котором он поведал Джону Фримену: «Его же аудиторией всегда были самые известные и выдающиеся врачи и психиатры со всего мира, а тут ему приснилось, что он стоит посреди огромной, без конца и края толпы людей. Которые сосредоточенно внимают его словам и понимают абсолютно все, что он говорит им» [23].

Со всей серьезностью восприняв этот сон, К.Г. Юнг благосклонно принял второе предложение издателя и приступил к работе над требуемой книгой, завершив ее всего лишь за десять дней до своей кончины. Как писал впоследствии Джон Фримен, книга стала «наследием широкому кругу читателей» от «одного из самых величайших целителей всех времен и знаменитых мыслителей нашего века».

Беспокойство

Осознание, что современники не слышат и не понимают...

К.Г. Юнг прекрасно осознавал, что мало кто из современников слышит его голос и еще меньше тех, кто действительно понимает его – это явствует из писем, которые он писал в последние годы жизни тем немногим, кто во всем поддерживал его в это нелегкое время. Среди них был швейцарский политэкономист Юджин Боулер, неоднократно пытавшийся в своих работах переложить идеи К.Г. Юнга на более понятный язык прикладной науки, а впоследствии даже написавший вступительное слово к изданной антологии работ К.Г. Юнга.

«По достоинству меня оценят только после смерти»

К.Г. Юнг ответил признательным письмом: «Вам, мой дорогой друг <...> жить в это грядущее десятилетие 60-х, что уже говорит нам свои черно-белые полосы, избежать которых мы не в силах. Прошедшая декада далась мне очень тяжело – тут и смерть многих моих друзей, ни с чем не сравнимая утрата моей дорогой супруги, полное прекращение моей научной деятельности и свалившаяся на голову боязнь дряхлой старости...но ведь были еще и награды, уважение и почести, а еще – ваша дружба, ценимая мною выше всего остального, что сам прекрасно сознаю, коль невыносим я для людей. Что же, сам виноват в этом, раз заслужил такое отношение к себе, ну да ладно, я ведь не Господь всемогущий, чтобы враз преобразить их, поэтому по одежки протягиваю ножки. Вот поэтому мне очень дорог ваш интерес к моей работе и понимание всего сделанного мною, благодаря этому планка моей самооценки, то и дело падающая вниз в ходе непрестанной борьбы с такими неуживчивыми современниками, вновь возвращается на причитающуюся ей уровень. Шутка ли, встретит еще одного “possible man”, понимающего тебя с полуслова! Быть широко известным – знаменитым, если не сказать больше – пустые слова для человека, понимающего, что те, которые чуть ли не с придыханием, с благоговением произносят его имя. Не имеют ни малейшего представления о его работе и сделанных открытиях. И меня почти не греет мысль, что по достоинству меня оценят только после смерти» [24].

Значение духовной поддержки

Однажды К.Г. Юнгу пришло письмо от настоятельницы одного из католических монашеских орденов, писавшей ему о том огромном влиянии, какое на нее саму и остальных сестер произвели книги – как никогда кстати, поскольку именно в этот период он, уже не сдер-

живаясь, жаловался близким людям, что из-за слишком частого обращения к своей работе к проблеме религии «на меня со всех сторон градом сыплются обвинения в агностицизме, атеизме, материализме и мистицизме».

Он немедленно ответил: *«Глубоко признателен Вам за всю ту духовную поддержку, которую Вы оказывали мне своим письмом. Вокруг меня сейчас такой гигантский вакуум непонимания, что мне как воздух необходима подобного рода помощь. Несметные сокровища, которыми я владею, в то же время делают меня наипоследнейшим бедняком, обреченного на невыносимое одиночество в этом мире. И что тому и дальше приумножать их, если на пороге жизни мне грозит полное разорение? Я прожил долгую жизнь, сполна познав радость успеха и до дна испив горькую чашу неудач, однако я вовсе не искал для себя такой доли. Все случившееся со мной стало следствием работы куда более могущественной силы, чем моя собственная воля. По крупице собираемые сокровища моих знаний отвечали тогда еще не ясной мне цели: все раздать и ничего не иметь за душой. Но как же невероятно трудно стать нищим духом и смириться, тут я полностью согласен с Вами. Но это все придет к вам нежданно-негаданно под самый конец земного бытия»* [25].

Отметив свой 85-летний юбилей, К.Г. Юнг отныне величает себя не иначе как «дряхлой развалиной». Писатель и историк сэр Герберт Рид специально приурочил к этой дате публикацию своей рецензии на идеи К.Г. Юнга об искусстве и гуманитарных науках.

К.Г. Юнг ответил благодарственным письмом:

«В страданиях всего человечества – страдания отдельного человека, как и наоборот, в руках личности – лишения народа»

«Дорогой сэр Герберт <...>

Ваши такие важные для меня слова – что лучи восходящего солнца, разгоняющих мгlistый туман над чавакающим болотом, в котором чувствую себя увязшим по самое горло. Часто вспоминаю Экхарта, труды которого забыли на целых шесть сотен лет, и задаюсь вопросом: ну почему же в нашей эпохе лет нет ни одного человека, способного, по крайней мере, понять, над чем я бьюсь все это время? Тщеславие мое тут ни при чем, как и желание признания, просто искренне беспокоюсь о моих современниках. Это, по-видимому, проявление уходящих вглубь веков функциональных взаимоотношений знахаря – шамана со своим племенем, то

есть мистики с этосом целителя. В страданиях всего человечества – страдания отдельного человека, как и наоборот, в руках личности – лишения народа» [26].

В январе 1961 года К.Г. Юнг получает для себя мощную подпитку совершенно с неожиданной стороны: его находит запоздалое, но полное благодарностей письмо от Уильяма Вильсона, «Билла В.», одного из основателей движения Анонимных Алкоголиков. В нем он признавался, что данные К.Г. Юнгом в 1911 году рекомендации хроническому алкоголику Роланду Г. (что тот ни за что не выльчится от своей пагубной страсти, если «не сможет стать объектом религиозно-духовного опыта, то есть пока по-настоящему не обратится к вере») послужили прекрасным средством и для его собственного излечения и обращения, после чего на этой идее и было основано в 1934 году движение Анонимных Алкоголиков.

Длинный, перемежающийся благодарностями рассказ заканчивался так: *«Как видите, звенья этой удивительной цепи событий, фактически взявшей свое начало из Вашего врачебного кабинета, целиком и полностью выкованы из Вашей человечности и глубокого понимания этой проблемы. Многие из наших А.А. штудируют Ваши книги от корки до корки. Да нечто большее, чем интеллект, эмоции и два доллара стоимости всех составляющих его тело химических элементов!»* [27].

«Человеку самому нужно познать этот опыт...»

Ответ К.Юнга говорит сам за себя: *«Из-за царившего в те дни вокруг меня сплошного непонимания я был вынужден следить за своей речью, с особой тщательностью подбирая слова и выражения, но меня все равно трактовали неправильно. Беседа с Роландом Г. не была исключением, однако мои взвешенные мысли диктовались достаточно солидным опытом общения с подобными рода людьми.»*

Грубо говоря, его тяга к алкоголю была сродни духовной жажде. Жажде нашей плоти по утраченной целостности или, как сказали бы в Средневековье, по единению с Богом.

Но как, каким языком выразить этот инсайт, в какие слова облечь его, чтобы не было разночтений его сути?»

Вижу только один легитимно-правильный путь: человеку самому нужно познать этот опыт, а это возможно лишь в том случае, когда он сам пойдет по тропке, ведущей к боле высокому пониманию. <...>

«Дряхлая развалина»

Глубоко убежден: превалирующее ныне в мире зло все же погубит рано или поздно эту духовную потребность человека, если только не встретит достойной отпоры со стороны его реального духовного инсайта либо не разобьется как морская волна о мощный человеческого сообщества. В самом деле, одинокий, изолированный от общества и не оберегаемый силами свыше человек не сможет противостоять мощи господствующего зла, так подходяще названного “дьяволом”. Однако не следует необдуманно разбрасываться такими словами во избежание разного рода заблуждений и ошибок <...>

Потому так откровенен с Вами, что по вашему честному прекрасно вижу, насколько выше Вы всех этих стереотипных точек зрения на проблему алкоголизма.

Видите ли, слово “алкоголь” по-латыни пишется *spiritus*, а вы им обозначаете одновременно и высший духовный опыт, и всю массу бормотушного поила. Тут, скорее, целая формула: *spiritus contra spiritum*.

Благодарю Вас за такое теплое письмо.

Искренне ваш – К.Г. Юнг» [28].

Самооценка

Постаревшему К.Г. Юнгу, скромно отмечавшего, что «да нет у меня никаких особых талантов», уже не дано было увидеть ту степень изменений, которую он провел в умах людей в отношении науки, религии, искусстве и даже их бытовом поведении. Равно не смог он предвидеть своего огромного влияния на Numan Potential Movement, чье движение охватило весь мир, на развитие трансперсональной психологии и на умы многих универсалистов, что через юнговские работы он «открыл живую религию, а не отравился ею подобно опиуму».

Тем не менее к К.Г. Юнг в душе всегда понимал, что его жизнь может указать людям правильную дорогу: «Если, задавшись вопросом о ценности своей жизни, я буду рассматривать его в контексте столетий, то да, действительно, моя жизнь кое-что да значит. Измеренная же в свете идей сегодняшнего дня смысла в ней нет никакого» [29].

«Разница между мной и большинством людей в том, что для меня эти самые “перегородки” транспарентны. Такова уж особенность моей личности. Другие, воспринимая их полностью непрозрачными, считают, что раз они ничего не видят сквозь них, то за ними

вообще нет ничего. Мне же прекрасно видны (до определенной степени, конечно) все протекающие там процессы – это и дает мне внутреннюю уверенность. Ну а кто ничего не видит, тот не уверен в себе и не может поэтому сделать никаких выводов, а если даже и сможет, то ни за что не поверит в них» [30].

«В каждой эпохе были свои светлые головы, действительно понимающие реальную задачу человечества, и, свято следуя ей, эти немногие люди без искажений сохраняли все традиции для будущих поколений, до того времени, пока инсайт не опускался на более глубокий, более общий, доступный многим уровень. Сперва лишь малая толика меняла образ жизни, но спустя поколения становилось все больше и больше <...> способных на такой инсайт, и, вне зависимости от степени своей изоляции, понимавших закон синхроничности. На это счет в Китае существует поговорка: “Праведную мысль праведника услышат за сотни миль от его дома”» [31].

Возврат к своим корням

6 мая 1961 года К.Г. Юнга, вконец ослабевшего для пеших прогулок, посадили по его просьбе в автомобиль и повезли по окрестностям – он прощался со своими любимыми уголками. По дороге им несколько раз пришлось останавливаться и пропускать свадебные картежи. Для К.Г. Юнга, это был мистический знак свыше: синхроничность извещала его о предстоящей помолвке со смертью. Четыре дня спустя его навестил Мишель Серрано, ставший одним из последних его посетителей. К.Г. Юнг принял его в своем рабочем кабинете, встретив дорого гостя в «японском церемониальном халате, на пальце левой руки то и дело поблескивала гностическая печатка, а на столе прямо перед ним лежала “великая”, как он сам называл ее, книга Тейяра де Шардена “Феномен человека”».

М. Серрано «был вновь поражен ясностью его ума». «Сегодня никто не придает никакого значения тому, что лежит за словами <...> тем основным идеям, что они подразумевают. А ведь именно идея является единственной истинной вещью. Своим скромным трудом я просто дал новые определения этим идеям, этим реальностям. Рассмотрим, к примеру слово “подсознание”. Как раз накануне я дочитал книгу о китайском дзен-буддизме. И сдается мне, что говорим мы об одном и том же, просто разными словами называем одну и ту же реальность. Так что абсолютно без разницы, буде-

«Праведную мысль праведника услышат за сотни миль от его дома»

Готовясь к помолвке со смертью

Главное – идея, лежащая за словом

Значение прожитой жизни в масштабе столетия

те ли вы употребляли слово “подсознание” или пользуетесь любым другим, главное – это идея, лежащая за словами» [32].

Два подряд случившихся сердечных приступа уложили К.Г. Юнга на неделю в постель. В этот период его навестила Мари-Луиза фон Франу: «В ту последнюю с ним встречу он поделился со мной своим видением: “Я увидел нашу бедную землю в огромных, ужасающе-гигантских проплешинах бесплодной пустыни. Слава Богу, что этот “лишай” не поразил всю планету”» [33].

За три дня до кончины К.Юнг просит своего сына Франца принести из винного погреба бутылку самого лучшего вина: «Давай-ка мы с тобой сегодня вечером посидим вдвоем». Позднее Рут Бэйли писала Мишелю Серрано: «За пару дней до своей смерти он уже уходил от нас в ту далекую чудесную страну, где видел много чего прежнего, я абсолютно уверена в этом, что он улыбался и его лицо светилось счастьем <...> утром он поделился со мной, что видел замечательный сон, сказал: “Ну вот и все, теперь я знаю всю истину правда есть еще неизвестное мне крошечное белое пятнышко, и вот когда я его узнаю, то умру”. А в последнюю ночь ему пригрезилось еще одно видение, о котором, проснувшись, сразу же рассказал мне. Он увидел высокогорное плато, в центре которого возвышался гигантский круглый камень, вдоль подножья которого шла выгравированная надпись: “Да будет тебе это знамение твоей целостности и исключительности”» [34].

В 4 часа дня 6 июня 1961 года К.Юнг мирно скончался в окружении всей семьи. Не удивительно, что его смерть сопровождалась многочисленными явлениями синкретичности. Возвращавшемуся в Европу из поездки по Африке Ван дер Посту в это время было видение фигуры К.Юнга, прощально машущего ему рукой. В автомобиле Барбары Ханы за какие-то минуты до кончины К.Юнга внезапно полностью разрядился новый, недавно купленный аккумулятор. Даже природа не осталась безучастной к его уходу: спустя пару часов налетела страшная буря и разряд молнии ударил в дерево, под сенью которого он любил сживать в саду.

Психоаналитик Джуна Сингер в то время была еще студенткой: «Мне не довелось встретиться с ним при жизни <...> На следующий день после его смерти наша небольшая, печальная группа стажеров поехала прощаться с ним <...> Дверь в дом стояла распахнутой настежь. Я вошла и тихонько прошла в его легендарную библиотеку, ныне очень печальную в своей безмолв-

«Да будет тебе это знамение твоей целостности и исключительности»

Мирная и величественная смерть

ной тишине. Какая-то незнакомая мне женщина молча указала мне рукой на лестницу и я поняла, что должна подняться туда одна. В холле наверху одна дверь оказалась приоткрытой. Я оказалась в темной комнате – там стояла кровать, по бокам которой в высоких канделябрах горело по одной тонкой свече, а лежащая в ней фигура великого человека была словно просвечивающаяся насквозь. На нем была надета старомодная пижама и меня не покидало ощущение, словно он тихо и мирно спит. Но даже мертвым он наполнял всю комнату своим могущественным присутствием, я замерла перед ним неподвижно на долгие минуты, всей душой впитывая пронизывающий мою плоть холод взволнованного безмолвия.

Потом вышла и медленно спустилась вниз» [35].

Похоронили К.Юнга на местном кладбище, установленном над могилой надгробный камень, выполненный по его эскизу. По верхней и нижней кромкам плиты шли выбитые латинские буквы:

Vocatus atque non vocatus duces aderit

(Проси или не проси – Бог присутствует всегда)

А по обоим бокам было высечено библейское изречение:

Primus homo de terra terrenus

Secundus homo de caelo caelestis

Первый человек – из земли, перстный;

Второй человек – Господь с неба.

1 Кор. 15-47

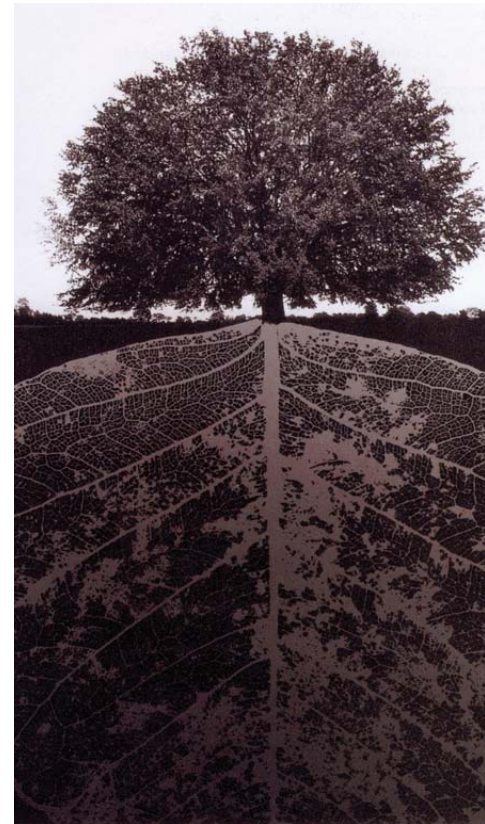
Пролог «автобиографии» Карла Густава Юнга подводил черту его рассказу: «Жизнь всегда воспринималась мною неким растением, что растет и развивается на своем корневище. Именно там, в корнях протекает его истинная, невидимая глазу жизнь. Тому проклянувшемуся над землей ростку, что так жадно тянется к солнцу, отпущено на жизнь всего лишь эфемерное воспоминание. Вот так и мы, начав размышлять о нескончаемо-вечном зарождении и умирании жизни и цивилизаций, обязательно придем к мысли о своей абсолютной ничтожности. К счастью, мне всегда было дано воспринимать то скрытое, что живет и развивается под этой вечной чередой жизни и смерти. Мы видим лишь одно цветение, со временем опадающее. Корни же всегда остаются» [36].

Проси или не проси – Бог присутствует всегда

«Мы видим лишь одно цветение, со временем опадающее. Корни же всегда остаются»

1. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. VII-VIII.
2. *Ibid.* P. XII.
3. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff.* San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 114-116.
4. *An Illustrated Biography of C G. Jung* by Gerhard Wehr. Boston: Shambhala, 1989. P. 143.
5. Interview with Richard Evans, 1957.
6. *Essay on Contemporary Events.*
7. *The Collected Works of C G. Jung. 10.* London: Routledge and Kegan Paul. *The Meaning of Psychology for Modern Man.* P. 149.
8. *Ibid.* *The Undiscovered Self.* P. 304-305.
9. *The Collected Works of C G. Jung 11. Answer to Job.* P. 459.
10. *The Collected Works of C G. Jung 10. The Undiscovered Self.* P. 258.
11. *Jung C.C. Letters Volume 2,* selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 316, letter to Elined Kotschnig.
12. *Ibid.* P. 525, letter to M. Leonard.
13. *Ibid.* P. 522, letter to Valentine Brooke.
14. *Ibid.* P. 236, letter to Pater Lucas Menz.
15. *Jung C.G. Letters Volume 1,* selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 491-492, letter to Fr. Victor White.
16. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff.* San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 120.
17. *Jung, van der Post, op. cit.,* p. 216.
18. *Jung C.C. Letters Volume 2,* selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 121, letter to Countess Elizabeth Klinckowstroem.
19. *Ibid.* P. 238, letter to Pater Lucas Menz.
20. *Ibid.* P. 597, letter to Miguel Serrano.
21. *Two Friendships,* Serrano, *op. cit.,* p. 112.
22. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 323-324.

23. *Man and His Symbols* by C. G. Jung, introduction (London: Aldus Books, 1964), p. 10.
24. *Jung C.C. Letters Volume 2,* selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 529-530, letter to Eugen Bo; p. 566, letter to Rev. Kenneth Gordon LaLleur.
25. *Ibid.* P. 516, letter to Mother Prioress of a contemplative order.
26. *Ibid.* P. 586-589, letter to Sir Herbert Read.
27. *The Bill W. / Carl Jung Letters.* A.A.'s Grapevine, 1963, 1968, 1974.
28. *Ibid.*
29. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. XII.

30. *Ibid.* P. 355-356.
31. *Jung C.C. Letters Volume 2,* selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 595, letter to Miguel Serrano.
32. *Two Friendships,* Serrano, *op. cit.,* p. 100.
33. *Jung, Marie-Louise von Franz.*
34. *Two Friendships,* Serrano, *op. cit.,* p. 104.
35. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff.* San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 83.
36. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 4.